

НЕНАСИЛЬСТВЕННАЯ БОРЬБА: Russian ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО РЕШЕНИЯ ОСТРЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ?

Профессор ДЖ. ШАРП

Проблемы политического действия. Основная проблема политики — как действовать эффективно, чтобы достичь поставленных целей, но зачастую случается так, что результаты практической политики отличаются от преследуемых целей. Сколько раз усилия различных социальных групп улучшить условия жизни, добиться больших свобод, социальной справедливости, возможности распоряжаться своими собственными судьбами приводили к потере наличных свобод, к росту бесправия масс, большей централизации экономического и политического контроля, а в некоторых случаях и к диктатуре, жестким репрессиям и террору, к международным войнам, другим бедствиям. Итог скольких революций разительно отличался от первоначально заявленных целей? (Подробнее об этом см.: Sharp G. *The Problem of Political Technique in Radical Politics* // Sharp G. *Social Power and Political Freedom*. Boston, 1980. P. 181—194.)

Встает важный вопрос: есть ли несоответствие между желаемыми целями и реальными результатами, являющимся часто следствием случайных событий, действий влиятельных личностей или вмешательством непредвиденных факторов; или используемые средства определяют результаты?

В ситуациях, когда власть распределена несправедливо, крошечная элита принимает главные решения и осуществляет всеобъемлющий контроль, в то время как массы людей не могут распоряжаться даже своими собственными жизнями. Обычно такие ситуации характеризуются активным использованием насилия в политических целях как для борьбы с реально существующей или предполагаемой оппозицией, с соперниками, так и для противодействия внешним угрозам и врагам.

Чтобы быть действенным, насилие должно быть организовано, с этой целью создаются или преобразуются специальные учреждения. Расширение числа институтов для руководства политическим насилием, даже ради добрых намерений, имеет существенные, длительные последствия для социального и политического строя. Оно позволяет господствующей элите обращаться к насилию в политических целях, отличных от первоначально заявленных. Это может означать, например, что в условиях насильственного режима, переходящего в диктатуру, полиция или армия, изначально предназначенные для защиты людей, могут быть переориентированы на подавление и террор (см. об этом: Sharp G. *The Societal Imperative* // *Ibid.* P. 285—308).

Как свидетельствует исторический опыт, чрезмерное сосредоточение власти опасно насилием. Важные шаги для контроля над властью были предприняты при создании буржуазно-демократических политических режимов. Они состояли во введении конституционных и юридических ограничений на полномочия правителей (особенно это касается использования полиции и военной силы), в конституционно закрепленном разделении властей между различными правящими учреждениями.

В первую очередь были наложены конституционные и юридические ограничения на исполнительную власть. Кроме того, были введены особые ограничения на использование полиции и армии (чтобы сохранить личные свободы и саму конституционную систему). Гражданский контроль за использованием армии был сформулирован как политический принцип.

Однако эти чрезвычайно важные меры не всегда способны предотвратить использование полиции или военной силы для поддержания или уста-

новления диктаторского режима. Стремясь расширить свои властные полномочия, правители или узурпаторы, вопреки конституционным установлениям, прибегают к государственному насилию во внутренней политике. И это часто происходит в форме государственных переворотов. Таким образом, суть проблемы возможно лежит глубже, чем принято считать. Она может корениться в возможностях использовать насилие в политике.

Однако насилие считается высшей санкцией, наиболее эффективной формой действия, а потому и необходимой для достижения желаемых социальных, экономических и политических перемен. Считается также, что насилие необходимо для защиты общества от враждебных нападков. Это верно даже для тех типов культур, которые провозглашают идеалами свободу, справедливость, демократию, мир и народовластие.

Предполагаемая необходимость насилия в политике в большинстве случаев (исключая фашизм) не связывалась с предпочтением насилия как такового или с признанием классовых интересов, оно рассматривалось как некая данность. Даже в обществах, которые стремились быть гуманными, свободными, демократичными и справедливыми, насилие считалось наиболее сильным средством для разрешения чрезвычайных конфликтов, а потому и необходимым. Политики, правители, политологи, специалисты по международным отношениям и простые граждане — все, кто стремился жить и действовать в реальном мире и иметь возможность влиять на ход событий, — были просто вынуждены признать насильственный способ действия правильным. И хотя опасность насилия осознавалась, а зачастую была очевидной, нежелание или отказ использовать и поддерживать его расценивались как наивность и утопичность. Отказ от насилия в политических целях воспринимался как отказ преодолеть насущные опасности и предотвратить будущие бедствия или как отказ от возможности устранения несправедливых социальных систем и построения новых социальных порядков.

Как бы то ни было, проблема допустимости насилия в политике остается без ответа. Пока в политике допускается необходимость опоры на насилие, невозможно избежать различного рода злоупотреблений властью со всеми вытекающими из этого последствиями. Ниже мы попытаемся выяснить, может ли быть выработан более удовлетворительный и фундаментальный способ решения этой вечной и основной проблемы в политике.

Этические дилеммы. Всегда существовали люди, группы и движения, которые отвергали насилие по этическим, моральным или религиозным мотивам. Их убеждения существенно различались, но почти все они отказывались поддерживать насилие или участвовать в нем (см. об этом: Sharp G. *Types of Principled Nonviolence // Sharp G. Gandhi as a Political Strategist, with Essays on Ethics and Politics.* Boston, 1979. P. 201—234). Ряд приверженцев принципа ненасилия избрали роль сторонних наблюдателей политических и международных событий. Другие сосредоточили свои усилия на пропаганде необходимости отказа от применения насилия, не предлагая при этом, за редкими исключениями, альтернативных средств для решения острых конфликтов или удержания власти.

Существуют две основные точки зрения относительно политического насилия. Согласно первой точке зрения, оно необходимо, является средством, пригодным для достижения благих целей. Согласно второй — насилие само по себе есть зло, даже если оно используется в благородных целях. Этими двумя позициями и ограничивались возможности этического выбора для профессиональных политиков, людей, вовлеченных в политические движения.

Различные исследователи по-разному характеризовали эти возможности этического выбора. М. Вебер, например, в своем анализе типов политической этики говорил об «этике ответственности» и об «этике конечных целей» (Weber M. *Essays*

in Sociology. L., 1961. P. 77—128). По Веберу, приверженец этики конечных целей пытается сохранить верность определенным принципам, не заботясь о достижении немедленных целей, т. е. словами религии: «Христианин поступает правильно и оставляет результаты на откуп богу...». Такой человек чувствует ответственность только за сохранение чистых намерений, даже не задумываясь о последствиях. Это означает «отказ от всех действий, которые используют опасные с точки зрения морали средства...».

Напротив, сторонник «этики ответственности» готов действовать в несовершенном мире и «давать отчет о возможных результатах своего действия». Ни одна этика в мире не может закрывать глаза на то, что порою достижение «благих» целей чревато расплатой за использование сомнительных с точки зрения морали средств. Вебер ставит вопрос: «На самом ли деле для этических требований, предъявляемых к политике, так мало значит тот факт, что политика прибегает к особым средствам, а именно к насилию?»

Другие авторы, придерживающиеся разных политических убеждений, отмечали схожие, хотя и не идентичные по содержанию, отличия между «утопизмом» и «реализмом». Е. Х. Карр, например, видит в утописте человека, который создает в своем воображении фантастическую альтернативную схему идеального общества или социального порядка и пытается заставить реальность соответствовать мечте лишь усилием своей воли и творчества, практически не принимая во внимание причины и следствия подобных действий для общества и политики. Реалист, напротив, сосредоточивает свое внимание скорее на том, что есть, нежели на том, что должно быть. Нужно принимать реальность и соответствовать ей. То, что должно быть, проистекает из того, что есть. Согласно Карру, государство держит в своих руках власть, а под этим в конечном итоге подразумевается военная сила. «Мы не можем ни морализировать, ни исключать силу из политики...» (Carr E. H. The Twenty Years Crisis 1918—1939: An Introduction to International Relations. L., 1946). Его позиция аналогична позиции Вебера.

Ни Вебер, ни Карр не были удовлетворены теми вариантами этического выбора, которые они сами и сформулировали, но лучшего решения предложить не смогли. Вебер полагал необходимым разграничивать определенные виды деятельности и отказываться от дальнейших действий, если неизвестны возможные последствия. Карр усматривал недостатки как в утопическом, так и в реалистическом подходах и стремился выработать тип «мирного изменения», связанного с «нелегким компромиссом между властью и моралью, что является основой всей политической жизни». Ни Вебер, ни Карр, как, впрочем и другие выдающиеся политические аналитики и практики, не смогли предложить эффективные средства удержания власти, применение которых не порождало бы этических проблем насилия в политике, поскольку никто из них не признавал опасности насилия для самой политической системы.

Многие современные политические мыслители и деятели не пошли дальше выводов Вебера и Карра. По нашему мнению, они должны стать отправной точкой для поиска лучшего выбора. Если очевидные альтернативы этического выбора не удовлетворяют, представляется разумным проанализировать возможность иного выбора, учитывающего преимущества указанных выше альтернатив. **Ненасильственная борьба как политический метод.** История ненасильственной борьбы уходит в прошлое как минимум на несколько столетий. Однако этот метод — вплоть до последнего времени — не привлекал внимания политических этиков и других ученых с точки зрения его практической роли.

Ненасильственная борьба включает по крайней мере около 198 методов (сюда входят различные формы символического протеста, социального бойкота, отказа от экономического и политического сотрудничества и ненасильственное

вмешательство). К ним обычно прибегают тогда, когда более мягкие средства убеждения или официально разрешенные действия недоступны либо не находят отклика. Когда ненасильственные акции осуществляются большим количеством людей и основными институтами общества, они способны парализовать и даже разрушить то, против чего направлены.

Ненасильственные действия способны изменить отношения власти. Они не дают властям возможности противодействовать враждебно настроенной группе, напротив, ставят перед необходимостью способствовать целям, на достижение которых направлено это действие. Успех ненасильственных действий зависит от целого ряда факторов. Здесь число и соотношение несотрудничающих и сопротивляющихся людей, мужество последних перед угрозой репрессий, поддержание ненасильственной дисциплины, а иногда и давление третьих сил. В некоторых ситуациях важно и то, насколько открытое неповиновение, отказ от сотрудничества подрывают авторитет и законность властей, их правомочность применять санкции и наказания. Большую роль играет и то, в какой мере существующие или заново возникающие институты общества становятся активными участниками ненасильственной борьбы.

Ненасильственное действие может быть направлено на решение какого-то конкретного вопроса. Например, если речь идет об оппозиции цензуре, участники сопротивления могут игнорировать правила цензуры при издании своих публикаций.

Одна из наиболее вероятных форм противодействия оппонентов — репрессия, особенно когда ненасильственная акция представляет собой реальную угрозу. В таком случае достойным ответом участвующих в сопротивлении будет продолжение борьбы при сохранении строго ненасильственной дисциплины. Это, в свою очередь, может инициировать процесс «политического джиу-джитсу», когда насилие оппонентов увеличит число и решимость сопротивляющихся, приведет к появлению оппозиции репрессиям даже в самом лагере оппонентов, возможно подтолкнет третьи силы прибегнуть к давлению в поддержку ненасильственной акции. В этом асимметричном конфликте сторона, использующая ненасильственные средства, способна осуществить неожиданные перемены в отношениях власти. В зависимости от предпринимаемых действий и контрдействий влияние ненасильственной группы и ее оппонентов может колебаться.

В условиях, когда шансы на успех растут, особенно важен выбор мудрой стратегии и тактики ненасильственного действия. Ненасильственные выступления могут быть подавлены, если их участники или не обладают реальной силой, или легко повинуются, или не в состоянии придерживаться ненасильственной дисциплины, а также по другим причинам. Достичь же успеха можно одним из четырех способов: *обращением* (когда оппоненты в корне меняют свои взгляды на проблемы), *соглашением* (когда достигается компромисс по проблемам), *ненасильственным принуждением* (когда у оппонентов не остается другого выбора, кроме как молча согласиться, поскольку они отступили уже по многим позициям) и *разрушением* (когда режим или отдельные институты оппонентов просто распадаются).

Ненасильственные действия уже в течение нескольких столетий широко используются рабочими в борьбе за свои права, за экономические преобразования, за гражданские свободы и демократизацию, в национальном движении за деколонизацию, в борьбе против диктатур, против геноцида и т. д.

В последние несколько десятилетий ненасильственные действия стали широко использоваться против наращивания военной мощи и других форм насилия, в борьбе за мирное сосуществование (см. об этом: Boserup A., Mack A. War Without Weapons. N. Y., 1975; Civilian Resistance as a National Defence. Harrisburg, 1968;

Sharp G. Making Europe Unconquerable: The Potential of Civilian-based Deterrence and Defence. L., 1985; his. National Security Through Civilian-based Defence. Omaha, Nebraska, 1985). По признанию специалистов, политиков, представителей общественности, ненасильственная борьба становится важным фактором мировой политики. В самом деле, современные внутривластные ситуации и международные конфликты нельзя понять без учета природы и динамики ненасильственной борьбы.

Потенциал ненасильственной борьбы в преодолении неразрешимых политических и этических конфликтов. Ненасильственные действия способны предотвратить и разрешить многие актуальные политические и этические проблемы.

Однако в асимметричных конфликтах ненасильственное действие зачастую сопровождается человеческими жертвами и материальными разрушениями. Этого можно было бы избежать, если бы все стороны, участвующие в политическом конфликте, использовали только ненасильственные методы.

Потенциальные преимущества замены войн и других видов политического насилия ненасильственными формами борьбы простираются на те области политики, которые были исследованы в начале этой статьи.

По мере расширения ненасильственной борьбы против наращивания военной мощи и других форм организованного насилия рост вширь институализированного политического насилия замедляется, а затем и прекращается вовсе. В связи с этим резко сокращаются возможности использования насильственных репрессий, что со всей очевидностью способствует предотвращению опасности установления режима диктатуры и угнетения. Использование ненасильственных методов в борьбе за фундаментальные социальные преобразования сводит возможности возникновения обществ, значительно отличающихся от первоначально задуманных, к минимуму.

Политически значимое народовластие — еще одно важное следствие роста ненасильственной борьбы. Несомненно лю и через подготовку и непосредственный опыт ненасильственной борьбы узнают свой реальный потенциал. Это означает, например, что даже при сохранении достаточно сильного института политического насилия, в случае государственного переворота, попытка навязать новую диктатуру, узурпировать власть с помощью государственного переворота может быть пресечена. Народ, наделенный контролем над властью, способен противостоять диктату как со стороны экономического класса, так и со стороны различных политических руководителей. А серия неудач в реализации притязаний такого рода уменьшит, вероятно, и число самих попыток в будущем.

Народовластие также будет способствовать возникновению децентрализованных и менее статичных социальных и политических структур. Люди станут чаще полагаться на свои собственные силы при осуществлении общественных перемен для достижения большей свободы и справедливости, не завися от какой-либо исключительной социальной группы и не используя при этом государственную власть (об этом процессе см.: Sharp G. Popular Empowerment // Social Power and Political Freedom. P. 309—378). Наличие власти у масс, у так называемых «простых людей», которые, как свидетельствует опыт, способны на экстраординарные действия, могло бы существенно способствовать продвижению к более высокому уровню общественного развития, достижению больших личных и политических свобод, общественного контроля, социальной и экономической справедливости.

Мы уже говорили, что одна из наиболее серьезных проблем политической этики коренится в использовании насилия в политических целях. Признание, совершенствование и возрастающая эффективность ненасильственной борьбы помогают более удовлетворительно решить эту ключевую проблему. Ее можно сформулировать следующим образом: как пользоваться властью в реальном мире, чтобы

влиять на ход событий, не втягиваясь в постоянный круг насилия, не попирая важные этические, моральные или религиозные принципы и идеалы.

Ненасильственная борьба — это огромная сила в нашем несовершенном мире. Она дает людям возможность отстаивать свои требования, осуществлять значительные перемены, защищать свой образ жизни без опоры на элиту, обладающую властью, или на репрессивный аппарат. Она основывается на понимании того, что политическая власть в конечном счете базируется на социальном сотрудничестве и действиях масс, но не на насилии. На более фундаментальном уровне власти использование ненасильственных методов борьбы разрывает круг насилия в политическом конфликте. Это помогает удовлетворительно решить большинство из названных политических и этических проблем.

В какой степени ненасильственная борьба реально сможет стать главным фактором в разрешении политических и этических проблем? Это зависит не только от ее действительных, но и потенциальных возможностей. Конечно, нельзя исключить, что будущее обнаружит неэффективность методов ненасильственной борьбы. Однако анализ практического опыта ненасильственных действий позволяет утверждать, что их сила потенциально более значительна, чем угроза ядерного оружия. Если это так, то наше будущее может стать не только будущим с невероятными трудностями, но и будущим с беспрецедентными основаниями для реалистической надежды человечества. Это налагает серьезную ответственность не только на ученых и политиков, но и на всех людей, стремящихся к лучшему обществу, к мирному сосуществованию.

*Перевод с английского О. Н. БАТАШЕВОЙ
и М. А. КОРЗО*